

и беженцах, точнее, ее статистико-справочный отдел. Есть сведения, что заработавшая 1 декабря 1918 г. в структуре отдела часть по учету иностранных военнопленных по прошествии полугода получила и обработала всего 116,5 тыс. переписных карточек. Их сбор и анализ продолжался вплоть до начала 1920-х гг., однако, этот источник так и не стал главным для выводов о численности и составе пленных Первой мировой войны в России. Помимо него, советские миграционные службы вынуждены были использовать еще и именные списки пленных, запросы об их судьбе, регистрационные бланки умерших и другие документы¹⁸.

Итогом переписной кампании конца 1917 г. взведенные количественные показатели, таким образом, не стали. При этом кампания со всей наглядностью показала, что рисунок российского плена изначально был слишком сложным для того, чтобы сохранять свою прозрачность. В условиях, когда плен превратился в место встречи фронта и тыла, центральных и местных властей, экономики госсектора и ее негосударственных альтернатив, изменчивого города и крепкой в своих традициях деревни, он (плен) не просто сформировал некое особое пространство, в центре которого находились военнопленные вражеских армий. Он породил множество таких пространств. Подобные концент-

рическим кругам, они последовательно – или непосредственно – наслаивались друг на друга, усложняя процедуры контроля и управления настолько, что даже сегодня многие – и не только количественные – характеристики российского плена остаются далекими от достаточно изученных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суржикова Н.В. К вопросу о численности военнопленных Первой мировой войны в России и на Урале // Россия в войнах начала XX века: докл. науч. конф. Екатеринбург, 2005. С. 282–305.
2. Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982. 258 с.
3. Суржикова Н.В. Трудоемкость военнопленных на Урале в 1914–1917 гг. // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2007. № 15. С. 262–274.
4. Rachamimov A. POWs and the Great War: Captivity on the Eastern Front. N. Y., 2002. 256 p.
5. Китанина Т.М. Война, хлеб и революция (продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917). Л., 1985. 384 с.
6. Суржикова Н.В. Первая мировая в уральской деревне: битва за пленных // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы X Юб. Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2011. Т. 2. С. 185–192.
7. Овчинников И.А. Центральное справочное бюро о военнопленных. Регистрация. Пг.; Б.и., 1915. 45 с.

Статья поступила
в редакцию 15.02.2014

УДК 94(47).083

В.М. РЫНКОВ

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: СПЕЦИФИКА АЗИАТСКОЙ РОССИИ*

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: vadvsvet@list.ru

Российское государство, вступив в 1914 г. в беспрецедентно масштабную войну, столкнулось с необходимостью не только мобилизовать экономику и население на противостояние военному противнику, но и выработать систему мер, призванных смягчить последствия резко усилившейся социальной мобильности. На протяжении второй половины 1914–1915 гг. были созданы специальные институты для решения данной задачи. Но когда в 1916 г. стал существенно падать уровень жизни работавшего населения, никакие меры сглаживания этого явления не смогли удержать процесс маргинализации больших групп населения и, как следствие, радикализации политического сознания.

Целью статьи является анализ процессов социальной мобильности в восточных регионах России, выявление общероссийских тенденций и макрорегиональных особенностей этого явления. Показано, что на эффективности государственной социальной политики в Сибири и на Дальнем Востоке отрицательно сказались отсутствие земских учреждений, недоучет правительством специфики Сибири и Дальнего Востока, выделение на социальные трансферты сумм, покрывавших расходы на уровне ниже общероссийского. Острейшие материальные проблемы с первых месяцев войны стали испытывать горожане – члены семей призванных в армию, а с лета 1915 г. – беженцы. Несбалансированность мероприятий в области социальной политики, по мнению автора, обернулась включением этих двух групп в своеобразный андеркласс, а также тяжелой психологической дезадаптацией. На протяжении 1915 г. вызревали условия для постепенного ухудшения социального положения более широких слоев населения. 1916-й г. принес резкое обострение товарного дефицита и падение курса рубля, что привело к качественному обнищанию значительной части населения Сибири и Дальнего Востока. Четко обозначилось снижение социаль-

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 6. Д. 11. Л. 47, 77, 85.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 14-8-01725.

ного статуса служащих правительственных учреждений. Расширение занятости в индустриальном секторе экономики, наоборот, в условиях войны явилось фактором сдерживания нисходящей социальной мобильности.

Ключевые слова: Первая мировая война, Азиатская Россия, Сибирь, Дальний Восток, институты, кластеры и факторы социальной мобильности, нисходящая социальная мобильность, маргинализация, социальная политика, социальные трансферты, общественные организации, благотворительность.

Неизгладимое влияние Первой мировой войны на жизнь населения в странах, принявших в ней активное участие, не вызывает ни у кого сомнения. Ни одна из предшествовавших войн не оказывала такого воздействия на общество, деятельность государственных институтов, характер их взаимодействия друг с другом. Отвлечение на военные нужды громадных ресурсов, человеческих и материальных, привело к падению уровня жизни населения воевавших государств. В свою очередь, правительствам пришлось прилагать беспрецедентные усилия по адаптации больших социальных групп к переменам. Не случайно в годы Первой мировой войны особенно интенсивно происходила разработка новых методов государственной социальной политики. Россия в этом отношении шагала в ногу с другими воевавшими государствами, но кардинально отличалась своими размерами от европейских держав, компактно располагавшихся на сравнительно небольшой территории европейского континента.

Протекавшие в Российской империи социальные процессы правильнее трактовать как широкомасштабную социальную мобильность населения. Этим обусловлено обращение к теории социальной мобильности для осмысления исторических реалий в годы Первой мировой войны [1; 2.]. Первым это сделал П. Сорокин [3], а вслед за ним историки неоднократно обращались к сюжетам, которые легко интерпретировать в терминах социальной мобильности: призыв в армию более 15 млн чел., интенсивный приток работников в сферу индустриального труда, массовая вынужденная и принудительная миграция, определяемая в диапазоне от 3,8 до 5 млн чел. [4, р. 231–240; 5, р. 63–69, 71–72; 6; 7]. Ограниченный объем статьи заставляет оставить за рамками факторы социальной мобильности, т. е. индивидуальные события и случаи, и сосредоточиться на новых институциональных кластерах, сформировавшихся в 1914–1917 гг.¹

В Азиатской России, занимавшей около 2/3 территории империи, проживало 13,1 млн чел. (около 8 %), в том числе на огромных пространствах Дальнего Востока – лишь 820 тыс. чел. Девять из десяти сибиряков являлись жителями сельской местности. Не знакомые с дефицитом жизненного пространства, многие сибиряки жили в условиях господства натурального хозяйства. В то же время население прилегающих к Транссибирской магистрали районов активно втягивалось в орбиту рынка. Однозначные описания жизни не подходят для Сибири, в ней уживались разные хозяйственные уклады. Именно это обстоятельство заставляет

обратиться к изучению данной проблемы в территориальных рамках Сибири в том широком географическом смысле, как этот термин понимали современники, т. е. территория восточнее Уральских гор – от Тобольской губернии до Приморской области, в том числе Акмолинская и Семипалатинская губернии Степного края. На азиатских окраинах империи и до начала, и во время Первой мировой войны социальные процессы и реагирование на них государства протекали иначе, чем в Европейской России. Эта территориальная специфика до их пор не привлекала внимание специалистов.

Царское правительство еще накануне войны пошло на кардинальный пересмотр основ своей политики в области социального обеспечения. Закон от 25 июня 1912 г. возложил на государство выплату продовольственного пособия членам семей призванных и добровольно ушедших в армию. Им выплачивался денежный эквивалент минимального продуктового набора, в сельской местности – ежеквартально, а в городах – ежемесячно. Сеть специально созданных попечительств под руководством губернских администраций и с опорой на городские, земские и дворянские сословные учреждения занималась распределением государственных выплат и средств, привлеченных благотворительными организациями. Решение проблемы беженцев в прифронтовых районах Совет министров возложил на специально назначенных главноуполномоченных, а на остальных территориях действовала сеть местных организаций Татьянинского комитета. С августа 1915 г. появилось Особое совещание по устройству беженцев, возникли губернские и областные уполномоченные, городские и уездные комитеты, объединившие усилия сети земских, городских и общественных организаций. Они аккумулировали государственные и частные средства, распределяя их на денежные пособия, продовольственное, медицинское обеспечение, организацию проживания, отопления и на удовлетворение прочих нужд [7]. На основании закона от 30 августа 1915 г. государство приняло на себя бремя обеспечения беженцев.

Для поддержания материального благосостояния правительственных служащих, рабочих казенных предприятий Совет министров принял ряд постановлений о выплате военных надбавок к окладам.

На фронт из восточных регионов оказалось отвлечено около десятой части населения. К сентябрю 1916 г. в Азиатской России числилось 2,9 млн пайков для семей военнослужащих, или 8,4 %, что примерно соответствовало доле населения азиатских регионов среди мобилизованных в армию (около 8 %). Но выделяемые денежные суммы к апрелю 1915 г. составили 5,5 % от общих средств, затраченных на эти цели по стране.

¹ Понятие кластеров в рамках теории социальной мобильности разработано М.Ф. Чернышом [2, с. 82–84].

Очевидно, в восточных губерниях и областях выплачивался наименьший размер казенных пайков и меньшие по размеру казенные пособия². Впрочем, возможно, такой расклад имел основание, учитывая, что территория Азиатской России меньше была затронута ростом цен по сравнению с другими регионами страны.

С первых месяцев войны активную поддержку семьям призванных оказывали благотворительные организации и органы городского самоуправления. Общий объем такой помощи был незначительным по сравнению с казенными затратами. За первый год войны дополнительные выплаты составили в Сибири 1,8 % к размеру государственных начислений (в целом по стране – 5,6 %).

Как и по всей стране, многочисленные общественные организации активизировали свою работу по оказанию адресной поддержки тем, кто оказался в крайне затруднительном положении, и особенно в тех случаях, когда законодательство не предусматривало государственных выплат. Существенно ухудшалось общее положение отсутствие в Сибири земств, ведь в европейской части страны именно они взяли на себя функцию оказания разнообразной и комплексной помощи членам семей призванных на войну и беженцам [8, с. 134–145, 159–176]. В конце 1915–1916 гг. пособия и надбавки к государственным выплатам со стороны местных органов власти и благотворительных фондов возросли и стали более ощутимыми. В отдельных городах, например в Барнауле, они могли составлять до 1/3 от суммы казенных пайков³. Но сами пайки лишь в первый год кардинально улучшали положение многих семей, отдавших в армию своих кормильцев. Индексировались они крайне медленно – за все дореволюционное время возросли лишь в 1,3 раза, тогда как цены поднялись в 3–5 раз. Поэтому даже совокупные выплаты казны и общественных организаций не могли исправить ситуацию⁴.

Сеть учреждений, на которые возлагалась выплата пайков, очень медленно адаптировалась к массовому наплыву получателей. Начало 1915 г. в городах Сибири отмечено острой социальной напряженностью, связанной со сбоем в выдаче пайковых денег и пособий. Выплаты задерживались, получатели подолгу не могли разобраться, когда, где и как их следует получать. У городских касс собирались огромные очереди, которые становились средоточием недовольства и социальной агрессии. Семьи призванных сибирских горожан сразу почувствовали ухудшение своего материального положения и социального статуса, попав в категорию просителей.

Денежных средств, к тому же поступающих с большим опозданием, было совершенно недостаточно для смягчения «удара», нанесенного войной и по

сельскому населению Сибири. Но на помощь пришли патерналистские методы, позволившие задействовать иные формы социальной помощи. Удалось привлечь и другие ведомственные и общественные ресурсы. Казенные палаты получили указание – не взыскивать продовольственные долги с семей призванных. Солдатским семьям новоселов выделяли дополнительные ссуды от местной переселенческой администрации. Кредитные и ссудо-сберегательные товарищества проводили сборы средств на уборку урожая с участков семей призванных, а также выдавали им льготные ссуды. В первые месяцы войны это были достаточно большие средства. В Омском военном округе в осенние месяцы 1914 г. ратников и запасных распустили по домам для уборки хлеба, что сыграло свою благотворную роль в уборочной кампании⁵. Сибирские губернаторы через крестьянских начальников обратились к волостным и сельским органам крестьянского самоуправления с настойчивым предложением (это были призывы по форме, но приказы по содержанию) немедленно выработать меры помощи семьям призванных. На сходках крестьяне принимали решения об общественной обработке полей призванных, списании с их семей арендных платежей, а также о денежных сборах [9]⁶. На фоне сильного патриотического подъема первых месяцев войны местным властям удалось организовать помощь семьям мобилизованных преимущественно силами сельских обществ. Весной 1915 г. в ходе анкетирования сельских корреспондентов о помощи семьям призванных в сельскохозяйственных работах 91 % опрошенных указал, что помощь была получена от односельчан и соседей, и только 5 % отметили казенную помощь [10, с. 32]. Показателен пример Тугурской волости Верхотенского уезда Иркутской губернии. Здесь за первые полгода войны население собрало в помощь семьям мобилизованных 1683 руб. и отработало 1473 дня⁷. Все эти меры позволяли сдерживать сползание сельских семей призванных и ополченцев в бездну нищеты. Причем в сибирских губерниях эту задачу решали даже успешнее, чем в сельской местности Европейской России [11, с. 61].

Но уже в следующем сельскохозяйственном сезоне таких результатов достичь не удалось. Новые призывы 1915–1916 гг. увеличили количество семей, оставшихся без мужских рук. Пайки и денежные пособия солдатским семьям при общем росте цен стали реже использоваться на наем работников, а в 1916 г. уже практически не оказывали влияния на материальное положение членов солдатских семей⁸. Запал благотворительности

² О влиянии войны... С. 199–200; Россия в Первой мировой войне (в цифрах). М., 1925. С. 49.

³ Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф-3. Оп. 23. Д. 280. Л. 6. (в среднем по России стоимость пайка увеличилась на 69 %).

⁴ ГАРФ. Ф. 102. Дел. 4. Оп. 125. 1916. Д. 108. Ч. 77. Л. 13 об.

⁵ Сибирская жизнь (Томск), 1914. 14 авг.; Жизнь Алтая (Барнаул). 1915, 4 июня; ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 682. Л. 29–29об; О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России. Пг., 1916. С. 18.

⁶ О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России. С. 18–19; Сибирь. Иркутск. 1914. 23 дек.; 1915. 1 янв., 5 февр.

⁷ Сибирь. Иркутск, 1915. 5 февр.

⁸ Вестник Омского городского общественного самоуправления. 1916. № 17/18. С. 1274–1278.

также быстро иссяк, организация совместной обработки участков семей призванных бесплатно или за общественный счет стала редкостью. С осени 1915 г. сибирская общественность заговорила об остром недостатке рабочих рук в деревне [12, с. 16]⁹. На протяжении 1917 г. пайки были увеличены в 1,5 раза. Введенный в сентябре 1917 г. новый порядок начисления предусматривал их выплату за месяц вперед. Но рост цен ускорялся, и все эти меры оказывались неэффективными¹⁰.

Ощувив сползание своих семей в нищету, жены солдат стали повсеместно проявлять недовольство, требуя списания недоимок, продажи товаров по сниженным ценам. В последние перед революцией месяцы в ряде городов и сельской местности Тобольской, Томской, Енисейской губерний и Семипалатинской области прошли волнения, в которых приняли активное участие жены солдат. Как правило, выступления сопровождались погромами городских магазинов и сельских лавок [13, с. 270–271, 275; 14, с. 97; 15, с. 66, 118–121; 16, с. 367–369, 385–391, 509–511].

К началу 1916 г. в Сибирь прибыло около 160 тыс. беженцев, т. е. примерно 3–4 % от всего количества в России [6, с. 141; 7, с. 108; 17, с. 71]. Но это составило около 15 % городского населения далеко не прифронтовой местности – достаточно, чтобы создать острейшую социальную напряженность и посеять среди горожан психологию маргиналов. Примечательно, что на их попечение, по сведениям местных организаций по устройству беженцев, находилось по разным оценкам от 60 до 80 тыс. чел. [18, с. 180–184], т. е. в 2–2,5 раза меньше¹¹. И это тогда, когда в Европейской России «беженское» дело уже полностью организовалось, в каждой губернии прибывавших точно учитывали, трудоустраивали или распределяли по квартирам или приютам [19, с. 63–67; 20, с. 87–112]. Если в целом по России «нерусских» беженцев было около половины, то в Томской губернии – четверть¹². Мало того, положение именно русских беженцев, лишенных поддержки национальных беженских организаций, в Сибири оказалось наихудшим.

Казна выделяла ничтожные средства на содержание беженцев, а с 1916 г. в условиях роста цен и эти ассигнования сократились вдвое. Власть ориентировала местные комитеты помощи беженцев на их трудоустройство и самообеспечение. Но среди прибывших большинство (70–80 %) составляли нетрудоспособные, а остальных было чрезвычайно сложно устроить в материальном и бытовом отношении. Основная масса беженцев проживала в антисанитарных условиях в непригодных, плохо отапливаемых помещениях, часто в лагерях для военнопленных. Среди них

была велика смертность от недоедания и эпидемий, широко распространено нищенство и бродяжничество [21; 22, с. 287; 23, с. 183–198]¹³. Беженство стало лифтом, в котором горизонтальная мобильность в крайне суровые климатические условия сопровождалась сползанием на социальное дно общества.

Интенсивная мобильность сибирских пролетариев очевидна. Около 40 % рабочих мобилизовали в армию. В некоторых ключевых отраслях «текучесть» кадров оказалась существенно выше средних показателей. К началу 1917 г. общая численность железнодорожников выросла на 50 %, причем за счет мобилизации и найма на их места других рабочих и мастеровых была потеряна половина старых кадров. В углепромышленности при значительных призывах в армию общая численность увеличилась на 150 % [27, с. 30–31]. Данные по динамике заработной платы рабочих в восточных регионах страны отсутствуют. Известны общероссийские показатели, подтверждающие индексацию зарплаты российских рабочих в условиях роста цен. Ее реальное выражение составляло от 103 % от довоенного уровня на военных заводах, до 84–93 % на других предприятиях [5, р. 69; 28, с. 301] Сибирские историки не подтверждают эту закономерность, приводя статистические сведения о падении реальных заработков. Однако многие источники свидетельствуют о совпадении региональной динамики с общероссийской. В 1916 г. отмечалось, что рабочие оказались неплохо обеспечены материально по сравнению с другими категориями населения¹⁴. Как писал в ноябре 1916 г. новониколаевский полицмейстер, поясняя спокойствие среди местного пролетариата, «рабочие чувствуют, что скорее они нуждаются в хозяевах, чем хозяева в них»¹⁵.

Прилив женщин и непривзванных в армию мужчин в сферу промышленности и рост уровня занятости в индустриальных секторах сибирской экономики и в инфраструктуре усилили имущественный раскол общества. Причем включение в ряды сибирского пролетариата становилось обычно фактом восходящей мобильности. Не случайно информационные сводки 1916 – начала 1917 г. фиксировали, что семьи, в которых кто-то из членов имел работу, вели «безбедное существование». Социальный протест распространялся среди неработающего населения или тех, кто промышлял случайными приработками¹⁶.

На фоне роста розничных цен оклады служащих не пересматривались почти два года. 21 мая 1916 г. правительство приняло Временные правила о прибавках к содержанию правительственных служащих, согласно которым Сибирь и Дальний Восток попадали в район

⁹ Труды сельскохозяйственного и кооперативного съезда в Омске 2–12 января 1916 г. Омск, 1916. С. 22.

¹⁰ Знамя революции. 1917. 2 июня.

¹¹ Омский вестник (Омск). 1916. 22 янв.

¹² Беженцы Томской губернии: список семей беженцев и адрес их. Томск. 1916. Вып. 1–2. Анализ информации из этого издания стал основой целой диссертации [23] Кстати, сибирские историки экстраполируют эти данные на всю Сибирь [24, с. 279; 25, с. 69].

¹³ Это опровергает мнение, что в Сибирь старались доставить насильственно эвакуированных жителей национальных окраин Российской империи, а в великорусские губернии направлялись преимущественно беженцы из русских [26, с. 379].

¹⁴ ГАГО. Ф. Ф-3. Оп. 2. Д. 6928. Л. 136об.

¹⁵ Там же. Л. 194.

¹⁶ Там же. Л. 194, 214–214об., 220.

с минимальными прибавками в 10–30 %¹⁷. Фактически это означало замораживание зарплаты, что вело к снижению социального статуса занятых в сфере государственного управления. Причем на общероссийском фоне положение чиновников восточных регионов оказалось худшим. Обладавшие невысокой социальной адаптивностью, служащие для улучшения условий жизни имели возможность только участвовать в городской кооперации. Никаких иных мероприятий по смягчению их ухудшавшегося материального положения не проводилось. Впрочем, в Азиатской России с ее социальными контрастами каждое правило имело множество исключений. В удаленных и изолированных от мира промышленных поселках традиционная социальная иерархия только усиливалась войной. На Петровском заводе в Забайкальской области рабочие более года с начала войны не получали зарплаты и владели нищенским существованием, в то время как служащие заботливо устанавливали себе прибавки к жалованию¹⁸.

За годы Первой мировой войны в восточных регионах, как и по всей России, неуклонно снижался уровень жизни населения. При этом формировались целые новые кластеры социальной мобильности: призыв в армию, принудительная миграция, изменения на рынке труда, связанные с мобилизацией индустриального потенциала. В рамках этих кластеров формировались новые общности, соединенные из разных социальных групп событиями войны и российской социальной политикой. К наиболее ущемленным группам населения следует отнести беженцев и не имевших постоянной занятости членов семей горожан, призванных в армию. Это были своеобразные социальные лифты, спускавшиеся вниз, на уровень формировавшегося городского андеркласса. Ситуацию с членами семей призванных и служащими правительственных учреждений можно сравнить с лестницами. Здесь нисходящая мобильность была постепенной. Занятость на предприятиях промышленности и транспорта сдерживала падение уровня жизни и относительно других категорий населения субъективно воспринималась как «лестница вверх».

В первый год войны государство выстроило механизмы, сдерживавшие нисходящую мобильность, в том числе путем мобилизации общественных сил. Но в конце 1915 и в 1916 гг. эти механизмы стали давать сбои. Причем на востоке Российской империи эффективность работы органов социального обеспечения оказалась ощутимо ниже, чем в европейской части. В своих указаниях центральная власть часто впадала в противоречия, не учитывая специфику востока России, где отсутствовали земства и дворянские корпорации. Система попечительства о помощи семьям запасных оправдывала себя только в крупных городах. Согласно положениям, они должны были действовать только в городах с населением свыше 75 тыс. жителей, но в Сибири и на Дальнем Востоке их открывали в виде исключения и в

мелких городах, хотя малое число получателей пособия не давало оснований для полного штата занятых в этих структурах [29, с. 168]. В омском попечительстве о нуждах семей запасных чинов огромная сумма (152 тыс. руб.) затрачивалось только на содержание служащих. Бюджета учреждения не хватало на оказание помощи нуждавшимся, и их нищенское существование оказывало угнетающе влияние на людей, чьи близкие рисковали жизнями на фронтах войны¹⁹. На всю Сибирь к началу 1917 г. действовало 36 комитетов помощи беженцам на 80 тыс. получателей [22, с. 284]. Бюджеты сибирских городов практически не получали казенного пособия на помощь беженцам и содержали их на свои мизерные средства подчас в ужаснейших условиях.

Рост социальной напряженности в Сибири свидетельствовал о том, что усиливавшаяся маргинализация широких слоев населения была связана не только с падением уровня их реальных доходов. Влияли и социально-психологические факторы. Ощущение ущемленности и обездоленности формировалось в том числе сбоями в работе систем обеспечения социальных трансфертов. В восточных регионах страны эффективность механизмов сдерживания нисходящей социальной мобильности существенно снижалась под воздействием трех факторов – низкой плотности населения, делавшей их чрезвычайно дорогостоящими, отсутствия земств и финансового обеспечения со стороны государства на уровне ниже среднероссийского. Но своеобразный жизненный уклад азиатской части России позволил легче адаптироваться к новым вызовам через архаизацию хозяйственной жизни и пережить социальные катаклизмы в целом легче и спокойнее, чем в центральных регионах Российской империи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сорокин П.А. Социальная мобильность. М., 2005. 702 с.
2. Черныш М.Ф. Социальные институты и мобильность в трансформирующемся обществе. М., 2005. 254 с.
3. Сорокин П.А. Современное состояние России // Социология революции. М., 2008. С. 427–504.
4. Astrov N.J. The Effect of the war upon Russian municipal government and all-Russian union of Towns // The War and the Russian Government. New Haven, 1929. P. 131–323.
5. Gatrell P. Russia's First World War. A Social and Economic History. Harlow, Person, 2005. 306 p.
6. Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Вопросы истории. 1999. № 9. С. 98–113.
7. Курцев А.Н. Беженство // Россия и Первая мировая война: Материалы междунар. науч. коллоквиума. СПб., 1999. С. 129–146.
8. Polner T.J., Obolensky V.A., Turin S.T. Russian Local Government During the War and The Union of Zemstvo. New Haven, 1930. 334 p.
9. Котович Л.В. Крестьянское самоуправление Западной Сибири в 1915 г. (по материалам сельских сходов) // Социальные конфликты в истории России: Материалы Всерос. науч. конф. Омск, 2004. С. 348–350.
10. Шишкина С.Ю. Провинция и война: Тобольская губерния в годы Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 г.). Тюмень: ТОГИРРО, 2006. 208 с.

¹⁷ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 1. Д. 752. Л. 3–4, 35–37.

¹⁸ Забайкальская мысль (Верхнеудинск), 1915. 8 окт.

¹⁹ Вестник Иркутского городского самоуправления. 1915. № 7–9. С. 10

11. Гордеев Г.С. Сельское хозяйство в войне и революции. М.; Л., 1925. 204 с.
12. Кижасева Т.А. Менталитет и социальное поведение сельского населения Томской губернии в годы Первой мировой войны (1914–1917): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2006. 23 с.
13. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. 400 с.
14. Горюшкин Л.М. Крестьянское движение в Сибири в годы Первой мировой войны // Известия СО РАН. 1979. № 11. Сер.: Обществ. науки. Вып. 3. С. 95–101.
15. Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А., Сагайдачный А.Н. Крестьянское движение в Сибири. 1914–1917 гг.: хроника и историография. Новосибирск, 1987. 239 с.
16. Крестьянское движение в годы Первой мировой войны. Июль 1905 – февраль 1917 г.: Сб. док. М.; Л., 1965. 605 с.
17. Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М., 1930. 273 с.
18. Еремин И.А. Западная Сибирь в период Первой мировой войны (июнь 1914 – март 1918 г.): учеб. пособ. Барнаул, 2010. 293 с.
19. Щеров И.П. Миграционная политика в России 1914–1922 гг. Смоленск, 2000. 316 с.
20. Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. М., 2011. 288 с.
21. Чудаков О.В. Деятельность омского городского самоуправления по организации помощи беженцам в годы Первой миро-

вой войны // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории. Омск, 2000. С. 183–188.

22. Чудаков О.В. Городское самоуправление в Сибири в годы Первой мировой войны и период социальных катаклизмов (июль 1914 – первая половина 1918 гг.). Омск, 2013. 423 с.

23. Щетинина А.С. Беженцы на юге Западной Сибири 1914–1923 гг.: источники и методы изучения: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2007. 24 с.

24. Нам И.В. Численность и национальный состав беженцев в Сибири в годы Первой мировой войны // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. 2. С. 276–279.

25. Горелов Ю.П. Прием беженцев в Сибири в годы Первой мировой войны // Сибирь. XX в. Кемерово, 2002. Вып. 4. С. 66–73.

26. Оскин М.В. Неизвестные трагедии Первой мировой войны. Пленные. Дезертиры. Беженцы. М., 2011. 432 с.

27. Зольников Д.М. Рабочие Сибири в годы Первой мировой войны и Февральской революции. Новосибирск, 1982. 206 с.

28. Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. М., 1982. 472 с.

29. Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск, 1999. 363 с.

Статья поступила
в редакцию 10.04.2014

УДК 94(47).084.3

И.Б. БЕЛОВА

БЕЖЕНЦЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ. 1918–1919 гг.

канд. ист. наук,
Калужский государственный университет
им. К.Э. Циолковского,
г. Калуга,
e-mail: irina-25.01@mail.ru

В статье на примере центральных губерний Европейской России рассмотрена проблема возвращения на родину в 1918–1919 гг. беженцев Первой мировой войны – уроженцев западных территорий, отторгнутых от России по Брест-Литовскому мирному договору.

Отражена политика большевистской власти в отношении досоветских организаций попечения о беженцах, организаций, созданных на демократических началах в советский период и продолживших дело обеспечения нужд беженцев. Освещен процесс создания советских эвакуационных органов, в ведение которых перешли беженцы.

В статье анализируется результативность деятельности Центропленбежа по реэвакуации беженцев. Приводятся сравнительные данные о количестве беженцев, бесплатно отправленных на родину Центропленбежем, самостоятельно выехавших и оставшихся в регионе к началу 1920 г. Показаны масштабы стихийного движения беженцев на родину, отношение к движению Центропленбежа, а также пленбежей и органов власти на местах, для которых беженцы являлись непосильным бременем в условиях голода и разрухи.

Автор дает оценку отношению центральной власти к многочисленным проблемам беженцев, находившихся на территории Российской республики в ожидании реэвакуации, в том числе декларативному характеру декрета СНК от 28 января 1919 г. «Об обязанностях Центральной коллегии о пленных и беженцах по отношению к беженцам, подлежащим реэвакуации». Показаны способы привлечения беженцев к службе в Красной Армии и принудительным работам.

Ключевые слова: беженцы Первой мировой войны, Центральная коллегия по делам пленных и беженцев, центральные губернии Европейской России, Советы беженцев, легальная реэвакуация, стихийное беженское движение, заградительные отряды, беженские пайки, принудительный труд, мобилизация в Красную Армию, Гражданская война, голод, эпидемии.

Исследования, посвященные судьбе беженцев Первой мировой войны в советской России, начинают появляться с конца 1990-х гг. В работах Н.В. Лахаревой впер-

вые исследуется положение беженцев, размещенных на территории Курской губернии [1; 2]. Беженское движение из Курской губернии в 1918–1919 гг. автор характеризует